

—

После нескольких визитов к старой госпоже Фу Мин получил от неё «особое разрешение» не приходить к ней с ежедневными утренними поклонами, если нет важного дела. Фу Мин понимал, что это не от её расположения к нему, а просто пожилая женщина устала от притворства и решила его игнорировать. Это, вероятно, было связано и с отношением её внука Цзинь И к нему. Ведь прошло уже больше полумесяца, двор Фан Мань Тин наполнился весенними цветами, но отношения между супругами оставались ледяными. Даже сам муж не желал ступить в его двор, и, за исключением Чжаояня, который приходил туда по своей воле, Фан Мань Тин был практически самым пустынным местом среди всех владений хозяев в резиденции Цзинь.

Фу Мин ежедневно до полудня был очень свободен и не хотел привлекать к себе лишнего внимания, поэтому полностью сосредоточился на своём маленьком мирке.

Комната была слишком стандартной, возможно, её стоило переделать. Цветы и деревья во дворе тоже были однообразными, и в определённые времена года они выглядели бы ещё более уныло, поэтому их тоже нужно было пересадить.

Фу Мин попросил Люй Фэй расспросить няню Чжаояня, может ли он самостоятельно заниматься своим двором. Няня сказала, что по правилам, если хозяева недовольны своим жильём, они могут переделать его по своему вкусу, но нужно сообщать, сколько людей и что нужно добавить, и если управляющая согласится, то всё получится. Теперь старая госпожа была в преклонном возрасте, а госпожа Жэньлань ещё молода. Кроме них, не было других полноправных хозяек, и делами в резиденции временно заведовала наложница Ван. Все эти вопросы должны были проходить через неё.

«Гунцзы, если бы это был кто-то другой, ещё можно было бы, но с этой дамой, боюсь, будут проблемы», — сказала Вань Лань.

Фу Мин, обдумывая, начал писать список: «Попробую, удастся или нет. У меня ещё есть деньги из приданого, если не получится, то можно использовать их».

Люй Фэй сказала: «Гунцзы, эти деньги нельзя тратить. Матушка Шэнь с большим трудом добилась их для вас. Перед тем как вернуться домой, матушка Шэнь трижды наказывала нам, что эти деньги нужно оставить на крайний случай. Каждый потраченный лян нужно записывать. Тратить их на ненужные вещи категорически нельзя».

Фу Мин знал, что, хотя Люй Фэй обычно относилась к нему с большим уважением и была рассудительной, её характер был очень упрямым, и она беспрекословно слушалась его няню. Поэтому он и думать не мог, что сможет выманить у неё эти деньги. Ему оставалось только сказать: «Тогда возьми этот список и сходи туда, спроси. Если сможешь получить эти вещи, мы все сможем жить комфортнее!»

Люй Фэй взяла список и, не имея никакой уверенности, ушла. Вскоре она вернулась со сложным выражением лица.

«Что, не получилось?» — спросила Вань Лань.

Люй Фэй покачала головой: «Там сказали, что вещи будут разобраны в эти дни, и когда нам что-то понадобится, можно будет просто послать людей забрать».

«Вот это здорово! Но почему у тебя такое неважное выражение лица? Тебя обидели?»

«Ничего особенного. Просто, когда я пошла спрашивать, та дама сказала, что эти вещи неважные, и что прежние хозяева их не любили, и что в сокровищнице кое-что покрылось пылью, так что это хороший повод их переместить».

Вань Лань сердито сказала: «Это она и широкий жест сделала, и нас унизила! Будто мы ничего не видели в этом мире и никогда не пользовались хорошими вещами».

Люй Фэй дёрнула её за рукав: «Эти слова должны остаться между нами, не говори так громко, чтобы никто не услышал. Если кто-то скажет, что мы сплетничали о хозяевах, то нас накажут, это мелочь, но если это повлияет на мнение о Гунцзы, это уже большая проблема».

«Ммм, я понимаю. Я просто говорю это тебе».

«У стен есть уши, нужно быть ещё осторожнее».

...

Как бы то ни было, действия Фу Мина по переустройству двора Фан Мань Тин начали воплощаться.

До этого в доме, хотя и просторном, не было кабинета. Фу Мин разделил огромный зал для приёма гостей ширмой. Он попросил лишь одну деревянную ширму, ещё не расписанную. Перевезя её, он потратил несколько дней на то, чтобы нарисовать на ней картину горного ручья: ручей вытекает из гор и впадает в реку, пейзаж постепенно расширяется, и наконец река становится подобной морю, а маленькие лодки — подобны горчичному зерну.

За ширмой, конечно, был другой мир: на книжных полках книги располагались вперемешку, но не беспорядочно. Кисти, тушь, бумага и чернильница на столе перед полками были его собственными, и хотя они не были дорогими сокровищами, все они были тщательно им подобраны, необычные и уникальные, редко встречающиеся в других местах. По обе стороны комнаты были открыты окна: под одним окном стоял благовонный столик, на нём курильница была не в форме благоприятного зверя, как это обычно бывает у богатых семей, а была вырезана в виде миниатюрных гор, на которых росли сосны. Когда воскуривают благовония, дым поднимается, словно в мире бессмертных; рядом с курильницей стоял стол для циня (струнного музыкального инструмента). Под другим окном стоял высокий табурет, на котором в вазе могли стоять свежие цветы, но это место было в основном обустроено как полуоткрытая чайная комната, с полным набором чайной утвари.

Все антикварные предметы, которые ранее стояли на полках в других местах комнаты, он тщательно отобрал и убрал, заменив их маленькими горшечными цветами и некоторыми предметами из своих коллекций. Это были не диковинки, а множество безделушек, которые он приобрёл в прошлые годы, даже детские игрушки, дорогие и дешёвые, но все они были новыми и интересными.

Цветы на кровати и занавески, фасон чашек и фруктов блюд — всё было обновлено...

Так было в доме, так было и во дворе.

Цветы, травы и фруктовые деревья были пересажены по высоте, в сочетании с беседками, прудами и коридорами, создавая приятное для глаз чередование возвышенностей и пустот. В пруду раньше было всего несколько карпов, а Фу Мин велел запустить туда двух черепах и

посадить летние лотосы. В зависимости от времени цветения, ранней весной, поздней весной, летом, осенью и даже зимой, были посажены различные виды цветов, чтобы здесь всегда было приятное глазу цветение, превращая это место в настоящий двор Фан Мань Тин.

Наконец, на камне у входа во двор действительно были вырезаны три иероглифа: «□□□» (Фан Мань Тин).

...

В последнее время Чжаоянь часто болтал у уха Цзинь И:

«Папа, дядя Мин сегодня в новой чайной комнате разливал чай Янь-эру, и на нём были написаны иероглифы, дядя Мин сказал, что это «Чжаоянь», а чай был такой белый, а чайная паста зелёная, это было даже красивее, чем чай, который заваривает бабушка Ли!»

«Папа, Янь-эру очень нравится Мохеле* в комнате дяди Мина, он даже красивее и интереснее того, что подарила бабушка Янь-эру в прошлый раз. Дядя Мин, видя, что мне нравится, хотел его подарить, но Янь-эр думает, что он лучше смотрится на полке у дяди Мина. В следующий раз папа тоже пойдёшь посмотри!»

[*«Мохеле» — это транслитерация санскрита. Это сын Будды Шакьямуни. После того, как он попал в Китай, он подвергся некоторой китаизации и превратился из изображения человеческого тела со змеиной головой в изображение милого ребенка. Она превратилась в глиняную куклу, посвященную Пастуху и Ткачихе во время «Праздника Циси» .]

«Папа, в дворе дяди Мина сегодня посадили ещё несколько маленьких саженцев. Дядя Мин сказал, что эти саженцы зацветут в следующем году, и Янь-эр даже помогал их поливать!»

«Папа...»

Тот, кто говорил, имел свой умысел, а тот, кто слушал, изначально был равнодушен, но поскольку это повторялось часто, он постепенно начал колебаться.

Однажды Цзинь И вернулся домой из Ямэня, когда солнце уже клонилось к западу. Он спросил у слуг, что старая госпожа ещё не послала за ним, и что Чжаоянь всё ещё находится у Фу Мина. Тогда он переоделся из парадного халата и отправился в Фан Мань Тин.

Ещё не войдя во двор, он услышал, как внутри весело щебечут птицы, создавая мелодичный напев, а ветка белой, как снег, сливы распускалась на стене, предвещая неудержимое и яркое дыхание весны.

Войдя во двор, три иероглифа «□□□» бросились ему в глаза. Следы иероглифов были тёмно-зелёными, сливаясь с камнем, покрытым пятнистым зелёным мхом, создавая естественный и гармоничный вид.

Две маленькие служанки дремали на веранде, склонившись под мягкими косыми лучами заходящего солнца. Цзинь И не стал их будить, а прошёл по извилистой дорожке и вошёл в комнату. В зале никого не было, но из-за ширмы доносились весёлые голоса.

Цзинь И оглядел зал и, конечно же, обнаружил на полке Мохеле. Это была безделушка, но, будучи так расставленной с другими предметами на деревянной полке, она выглядела так, словно на мир смотрели глазами ребёнка, приобретая некое необычное ощущение, свежее и

неброское, что демонстрировало необычный вкус хозяина.

Цзинь И отвёл взгляд, обошёл ширму и встал в уголке, где его никто ещё не заметил. Он увидел, что Фу Мин вместе с Чжаоянем и несколькими служанками делают воздушных змеев. На полу с одной стороны лежали две уже готовые игрушки: одна — разноцветная бабочка, другая — золотой карп. Ещё одна находилась в процессе изготовления, это был, должно быть, маленький человечек с головой тигра, судя по одежде, немного похожий на Чжаояня.

Несколько человек работали слаженно, сразу было видно, что у них уже есть опыт сотрудничества. Чжаоянь, наматывая нить, хихикал: «Когда этот будет готов, он для меня?»

Фу Мин ответил: «Янь-эру дам тот, который ему больше понравится. Ты хочешь оставить его у дяди Мина или забрать с собой? Если оставишь здесь, то через несколько дней, когда все будут готовы, мы вместе запустим воздушных змеев».

Люй Фэй засмеялась: «Запускать воздушных змеев, изгонять невезение, тогда весь год будет благополучным и безопасным!»

Чжаоянь без колебаний ответил: «Янь-эру нравится этот воздушный змей-кукла, Янь-эр хочет оставить его у дяди Мина! Янь-эр хочет запускать воздушных змеев со всеми!»

«Этот маленький человечек такой большой, почти с твой рост, маленький господин, он сможет летать?» — засмеялась Вань Лань.

«Сестра Лю Син запустит со мной!» — Чжаоянь указал на свою служанку: «Она старше меня и сильнее, так что проблем не будет».

«Тогда я получила выгоду благодаря нашему Янь-эру!» — засмеялась Лю Син.

«Осталось ещё несколько дней, всем по одному».

«Спасибо, Гунцзы», — хором сказали все, и на их лицах были улыбки.

Цзинь И смотрел на элегантную комнату, которая была захламлена цветной бумагой, нитками и прочим, а также на кучу ярких предметов, среди которых несколько человек весело играли вместе. Он не знал, как обозначить своё присутствие. Постояв некоторое время, он фальшиво кашлянул. Фу Мин и остальные подняли головы, увидев, что это он, поспешно прекратили свои дела и все встали.

Цзинь И не задержался, лишь кивнул Фу Мину и увёл явно не до конца наигравшегося Чжаояня.

По дороге Чжаоянь продолжал без умолку болтать о различных мелочах, произошедших сегодня у Фу Мина, — пустяках, но для него они были интересными и радостными.

Когда у него пересохло в горле от разговоров, Чжаоянь сглотнул слюну и снова сказал: «Папа, двор Фан Мань Тин дяди Мина намного интереснее, чем место, где живёт Янь-эр».

Цзинь И подумал: неудивительно, что в эти дни ребёнок так любит туда бегать! Дети, наверное, любят всё новое и интересное, и сказал: «Ты можешь попросить своего дядю Мина помочь тебе переустроить и твой двор».

«Правда можно? Спасибо, папа!»

«Не меня благодари, а того, кто тебе поможет. Впрочем, я лишь предложил, тебе нужно получить согласие другого человека».

«Если папа согласится, дядя Мин сможет мне помочь, а с твоими словами дядя Мин точно согласится».

В таком юном возрасте он уже был довольно сообразителен. Цзинь И улыбнулся и больше ничего не сказал, позволяя Чжаояню с энтузиазмом болтать всю дорогу до комнаты старой госпожи. Однако в конце он всё же немного пожурил ребёнка, который в последнее время слишком разыгрался: «Молодой господин из знатной семьи, каким бы маленьким он ни был, должен вести себя прилично и быть сдержанным. Не заходи слишком далеко, понял?»

Чжаоянь кивнул и послушно сказал: «Понял, спасибо, отец, за наставления».

В ту ночь в резиденции Цзинь по-прежнему царила спокойная и немного тихая атмосфера. Но новость о том, что Цзинь И сегодня впервые ступил в Фан Мань Тин, быстро разнеслась по всем комнатам. Узнав, что он пришёл только за Чжаоянем и не задержался, кто-то вздыхал, кто-то насмехался...

Как бы ни была прекрасна весна, она бесполезна, если Бог весны не благоволит к тебе.

—

<http://bllate.org/book/12585/1118410>